

ВЕСТНИК

Православного
Свято-Тихоновского
Гуманитарного
Университета

Журнал выходит шесть раз в год.

Основан в 1997 г.

БОГОСЛОВИЕ • ФИЛОСОФИЯ

I: 1 (45)
январь
февраль

Москва 2013

SAPIENTIAM SINE ELOQUENTIA PRODESSE NON EST DUBIUM¹:
ВЗАИМОСВЯЗЬ МУДРОСТИ И КРАСНОРЕЧИЯ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИСИДОРА СЕВИЛЬСКОГО

Е. С. МАРЕЙ

В произведениях Исидора Севильского выделяется несколько уровней знания. Первым и наивысшим епископ Севильи считал мудрость (*sapientia*), под которым он понимал знание о божественных вещах. Такая мудрость обязательно приводит своего обладателя к спасению души и Царствию Небесному. Однако специфика мудрости трактовалась Исидором по-разному в зависимости от его произведений. Так, в произведениях энциклопедического характера — «Этимологии» и первая книга «Дифференций» — мудрость представляет собой понимание устройства мира и космоса. Мудрый человек может узнать причины явлений как земной, так и небесной жизни. В противоположность ей разумность (*prudencia*) ориентирована на постижение предметов земных и светских, ее целью является различение злого и доброго и наилучшее устройство своей судьбы. К нему примыкает знание (*scientia*) — книжное знание, которое Исидор считает частью философии. В то же время и разумность, и знание являются инструментами для достижения искомой мудрости. Такая мудрость тесно связана с красноречием (*eloquentia*), которое без нее не мыслится. В произведениях, ориентированных на читателя-клирика или монаха, т. е. во второй книге «Дифференций» и в «Сентенциях», мудрость противопоставлена суетному мирскому знанию. В этих сочинениях Исидор утверждает, что красноречие мудрости чуждо, что мудрость ценна своей безыскусностью. В контексте этих произведений мудрость нацелена исключительно на благочестивую жизнь и на спасение души. Различия в толковании слова *sapientia* продиктованы жанровыми особенностями рассмотренных сочинений, а также аудиторией, которой они адресованы.

Во второй книге «Дифференций» Исидор Севильский († 636) писал, что мудрость (*sapientia*), даже оставаясь невысказанной, может принести человеку пользу, тогда как красноречие, не подкрепленное мудростью, не имеет никакого смысла². В то же время в «Этимологиях» Исидор проводит идею, что мудрость неотделима от красноречия (*eloquentia*). Эта двойственная (на первый взгляд) позиция епископа Севильи требует разъяснения.

¹ Мудрость и без красноречия, несомненно, приносит пользу.

² «*Sapientiam sine eloquentia prodesse non est dubium. Eloquentia sine sapientia valere non potest*» («Мудрость и без красноречия, несомненно, приносит пользу. Красноречие же без мудрости не стоит ничего» — здесь и далее кроме оговоренных случаев перевод мой. — *Е. М.*) (*Isidorus Hispalensis. Liber Differentiarum II. 37 / M. A. Andrés Sanz, cur. Turnhout, 2006* (далее — *Isidorus Hispalensis. Differentiae II*)).

Отношение к красноречию является одним из маркеров культуры эпохи перехода от Античности к Средним векам, ярким представителем которой как раз и является Исидор Севильский. В центре римской культуры вплоть до падения Империи находится фигура оратора или поэта, т. к. значение красноречия для этой культуры переоценить чрезвычайно трудно. Напротив, в эпоху раннего Средневековья несравненно большее уважение получают праведники, зачастую не умеющие красиво говорить, зато ведущие жизнь богобоязненную и благочестивую³. Тем интереснее рассмотреть, что вкладывал в понятия мудрости и красноречия Исидор Севильский, живший на рубеже эпох⁴.

Источниками данной статьи стали три произведения севильского епископа, в которых его представления о мудрости и красноречии выражены наиболее отчетливо, это — «Дифференции», «Сентенции» и, конечно, энциклопедия «Этимологии, или Начала».

Трактат «Дифференции»⁵ является одним из самых ранних произведений Исидора (между 598 и 615 гг.)⁶. Он состоит из двух книг: в первой, грамматической, автор проводит различие между отдельными синонимичными терминами, во второй же пытается дать определение богословским и этическим понятиям и объяснить их взаимосвязь. Некоторые отрывки из первой книги «Дифференций» позднее вошли в «Этимологии», да и сам метод, который Исидор позднее будет применять при работе над энциклопедией, впервые был апробирован им именно в этом трактате. Впрочем, Ильдефонс Толедский, посвятивший Исидору главу своей «Книги о знаменитых мужах», в списке трудов Севильца упомянул только одну книгу (*liber*) «Дифференций», что дало основание утверждать, будто первая и вторая книги трактата имели самостоятельное хождение. Того же мнения придерживались и позднейшие средневековые авторы. Косвенным образом эта точка зрения подтверждается различной манерой изложения и стилистикой первой и второй книг. Тем не менее ближайший друг и ученик Исидора Браулион Сарагосский считал «Дифференции» единым трактатом, написанным в двух книгах, что дает

³ См. об этом, например: *Riché P.* Education et culture dans l'Occident barbare (VI–VIII ss.). P., 1962; *Fontaine J.* Fins et moyens de l'enseignement ecclesiastique dans l'Espagne Wisigothique // Culture et spiritualité en Espagne du IVe au VII siècle. L., 1986. P. 6, 145–202; *Аверинцев С. С.* Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 17–64; *Он же.* Античная риторика и судьбы античного рационализма // Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 115–145 и т. д.

⁴ Об Исидоре подробнее см.: *Уколова В. И.* Исидор Севильский как деятель культуры раннего средневековья // Проблемы испанской истории. М., 1984. С. 176–190; *Она же.* Античное наследие и культура раннего Средневековья (конец V — середина VII в.). М., 1989; *Fontaine J.* Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne wisigothique. P., 1959; *Madoz J.* San Isidoro de Sevilla: semblanza de su personalidad literaria. León, 1960; *Díaz y Díaz M. C.* Introducción general // Isidoro de Sevilla. Etimologías / J. Oroz Reta, M.-A. Marcos Casquero, eds. Madrid, 1982. P. 6–257; *Cazier P.* Isidore de Séville et la naissance de l'Espagne catholique. P., 1994 и т. д.

⁵ Латинское слово «differentiae» буквально переводится как «различия». Однако название «Дифференции» указывает на то, что перед нами грамматический трактат, тогда как «различия» такой коннотации не дает.

⁶ *Aldama J. A. de.* Indicaciones sobre la cronología de las obras de S. Isidoro // Miscellanea Isidoriana. R., 1936. P. 57–89; *Madoz.* Op. cit. P. 24–25.

повод исследователям, в числе которых крупнейших знатоков творчества Исидора К. Кодоньер Мерино, говорить о композиционном единстве двух частей⁷. Кроме того, «Сентенции» в трех книгах у Ильдефонса также называются *liber*, что заставляет предположить, что *liber* в данном случае обозначает произведение как таковое. В самом деле, несмотря на различия в предмете изложения, автор «Дифференций» преследует одну и ту же цель — разграничить синонимичные понятия, дав определение каждому из них. Для нас же наиболее существенно, что в обеих книгах автор уделяет внимание понятиям мудрости и знания и роли красноречия для них.

Основным источником «Сентенций» в трех книгах (612–615)⁸ стали «Моралии» папы Григория Великого, о чем нам сообщает Браулион Сарагосский⁹. Сами «Сентенции» представляют собой, по меткому замечанию П. Казье, «первую сумму теологии»¹⁰. В то же время большое внимание Исидор уделяет вопросам благочестия и праведного образа жизни, поэтому неслучайно в Средние века «Сентенции» использовались для составления проповедей. Так, в первой книге трактуются различные теологические категории, во второй разбираются добродетели и пороки (в том числе исследуется вопрос о том, необходима ли мудрость для спасения души), а в третьей книге автор излагает правила поведения для отдельных социальных групп.

Наконец, «Этимологии, или Начала» по праву считаются главным произведением Исидора Севильского. Работу над ними он начал около 620 г., но не успел довести до конца: закончив написание текста незадолго до своей кончины в 636 г., он попросил своего ученика Браулиона Сарагосского отредактировать и издать его¹¹. В окончательной редакции энциклопедия состоит из 20 книг и включает в себя основные постулаты античного знания о мире. По мнению Исидора, суть любого явления можно постичь через изучение происхождения понятия, которым оно обозначается¹², поэтому применяемый автором метод за-

⁷ «Isidorus... Scripsit opera et eximia, et non parva, id est... librum Differentiarum, librum Sententiarum» («Исидор... написал произведения превосходные и немалые, то есть... книгу «Дифференций», книгу «Сентенций»») (*Ildefonsus Toletanus. De viris illustribus 9 / С. Codoñer Merino, ed. Turnhout, 2007*); «Isidorus vir egregius... Edidit libros Differentiarum duos, in quibus subtili discretionem ea quae confuse usu proferuntur, sensu discrevit» («Исидор, муж выдающийся... издал две книги «Дифференций», в которых распознал по смыслу и с тонким различием все [слова], которые обычно употребляются путанно») (*Carlos Martín J. La «Renolatio librorum domini Isidori» de Braulio de Zaragoza († 651). Introducción, edición crítica y traducción. Logroño, 2002. С. 260*). См.: *Codoñer Merino C. La conception de la «Differentia» dans le recueil «Inter Aptum» d'Isidore de Séville // Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes. 1986. Vol. 60. P. 187–189.*

⁸ *Madoz*. Op. cit. P. 43.

⁹ «Sententiarum libros tres, quos floribus ex libris papae Gregorii moralibus decoravit» («Три книги «Сентенций», которые он украсил цветами из книг «Моралий» папы Григория») (*Braulio Caesaraugustanus*. Op. cit.).

¹⁰ *Cazier P. Situation des Sentences // Isidorus Hispalensis. Sententiae / P. Cazier, ed. Turnholti, 1997. P. XIII.*

¹¹ Подробнее о структуре «Этимологий» см.: *Díaz y Díaz*. Op. cit. P. 163–177; *Magallón García A.-I. La tradición gramatical de differentia y etymologia hasta Isidoro de Sevilla. Zaragoza, 1996. P. 270–276.*

¹² «Etymologia est origo vocabulorum, cum vis verbi vel nominis per interpretationem colligitur» («Этимология есть происхождение слов, когда сила слова или имени познается через толкование») (*Isidorus Hispalensis. Etymologiae I. 29. 1*).

ключается в обнаружении этимологии (этимологию, надо заметить, Исидор понимал в стоическом ключе — как поиск первоначального смысла слова) каждого избранного для анализа термина.

Представления Исидора Севильского о мудрости

Исидор Севильский считал мудрость одной из главных добродетелей человека, ставя ее выше знания, опытности или навыков. В своих «Этимологиях» он писал, что «sapientia» по-латыни есть то же самое, что σοφία по-гречески¹³, отсылая, таким образом, читателей к античной интеллектуальной традиции. Под мудростью (sapientia) епископ понимал познания в предметах, имеющих отношение к Господу¹⁴. Противоположностью мудрости Исидор считал разумение (prudencia), которое ориентировано на постижение вещей земных и обыденных.

Это противопоставление, по всей видимости, являлось общим местом для всей античной культуры. В частности, Цицерон утверждал, что sapientia-σοφία является наивысшей добродетелью (virtus), тогда как «prudencia» (φρόνησις по-гречески) — всего лишь умение достигать нужного результата и избегать нежелательных происшествий¹⁵.

В первой книге «Дифференций» Исидор поясняет, что мудрец достигает понимания вечных и непреложных законов — тех, для познания которых требуется разум. И наоборот, «prudens» в состоянии понять лишь те предметы и явления, для постижения которых достаточно органов чувств¹⁶. Вообще же, разумение (prudencia) чаще служит выгоде: умный в практическом смысле человек легко устраивает свои дела¹⁷. При этом Исидор делает разумность (prudencia) качеством людей среднего возраста: по мнению испанского энциклопедиста, глупыми люди становятся по причине холодности крови, следовательно, старики, кровь которых уже не греет, и дети, чья кровь еще не разогрелась, уступают в сообразительности взрослому человеку¹⁸.

¹³ Ibid. II. 24. 3; VIII. 6. 1. Cp.: Cicero. De Officiis I. 153; Seneca. Epistula 89. 7. 1; Aurelius Hippoensis. Confessio 3. 4. 8.

¹⁴ «Inter Prudentiam et sapientiam. Prudentia in humanis rebus, sapientia in divinis distribuitur» («Между разумением и мудростью. Разумение обращено к человеческим делам, мудрость — к божественным») (Isidoro de Sevilla. Diferencias I. 19 / C. Codoñer Merino, intr., ed., trad., not. P., 1992 (далее — Isidorus Hispalensis. Differentiae I)).

¹⁵ «Princepsque omnium virtutum illa sapientia, quam σοφίαν Graeci vocant, prudentiam enim, quam Graeci φρόνησιν dicunt, aliam quandam intellegimus, quae est rerum expetendarum fugiendarumque scientia...» («И первая из всех доблестей — та мудрость, которую греки называют σοφία. Ведь под дальновидностью, которую греки называют φρόνησις, мы понимаем другую доблесть — знание того, к чему надо стремиться, и того, чего надо избегать...» — перевод В. О. Горенштейна) (Cicero. De Officiis I. 153).

¹⁶ «Inter Sapientem et prudentem ita discerni solet, ut sapiens vocetur is qui intellectum aeternorum gimat, prudens vero qui ea quae sensibus corporis experiuntur» («Между “sapiens” (мудрым) и “prudens” (разумным) обычно проводится такая разница, что мудрым зовется тот, кто достигает понимания дел вечных, разумным же — постигающий то, что познается органами чувств») (Isidorus Hispalensis. Differentiae I. 36).

¹⁷ «...Prudens, veluti providens, utilis rerum futurarum ordinator» («...разумный, словно бы предусмотрительный (providens), дельный устроитель будущего...») (Ibid I. 40 (421)).

¹⁸ «Nam physici dicunt stultos esse homines frigidioris sanguinis, prudentes calidi: unde et senes, in quibus iam friget, et pueri, in quibus necdum calet, minus sapiunt» («Ибо физики гово-

Если Исидор под мудростью подразумевал понимание только предметов божественной природы, то в античной традиции мудрость охватывала явления и божественной, и человеческой жизни¹⁹. Первое определение «sapientia» как мудрости, направленной исключительно на постижение теологических материй, принадлежит, по всей видимости, Аврелию Августину. В своем трактате «О Троице» он противопоставляет мудрость знанию (scientia)²⁰. Согласно его мнению, основанному на цитате из первого послания к Коринфянам, «scientia» подразумевает знания, с помощью которых опровергнуть безбожников в богословском диспуте, т. е. так или иначе те знания, которые нужны в земной, а не в горней жизни. Однако спасение души может быть достигнуто только посредством «sapientia». В свою очередь Исидор Севильский, проводя различие между этими понятиями во второй книге «Дифференций», определяет мудрость как созерцание (contemplatio) вечных основ мироздания, а «scientia» — как мирское знание,

речь, что глупые люди с холодной кровью, разумные — с горячей: поэтому и старики, в которых кровь уже остыла, и дети, в которых она еще не разогрелась, понимают меньше») (*Idem. Etymologiae* XI. 2. 27).

¹⁹ См., например: «illa autem sapientia, quam principem dixi, rerum est divinarum et humanarum scientia, in qua continetur deorum et hominum communitas et societas inter ipsos» («А та мудрость, которую я назвал первенствующей, есть знание дел божеских и человеческих, на котором основаны общность между богами и людьми и союз между одними и другими...» — перевод В. О. Горенштейна) (*Cicero. De Officiis* I. 153); «...sapientiam esse rerum divinarum et humanarum scientiam cognitionemque, quae cuiusque rei causa sit...» («...О том, что такое настоящая мудрость, можно сказать много и пространно, но мы скажем коротко: это знание наук божеских и человеческих и понимание, в чем причина всех вещей...» — перевод М. Л. Гаспарова) (*Idem. Tusculanae disputationes* 4. 57. 8); «Depone hoc apud te, numquam plus agere sapientem quam cum in conspectum eius divina atque humana venerunt» («Сохрани в себе мои слова: мудрец никогда не бывает так деятелен, как в те часы, когда перед его глазами предстает все божественное и человеческое» — перевод М. Л. Гаспарова) (*Seneca. Epistula* 68. 2. 8); «Sapientiam quidam ita finierunt ut dicerent divinarum et humanarum scientiam; quidam ita: sapientia est nosse divina et humana et horum causa...» («А мудрость некоторые определяли как “знание всего божеского и человеческого”» — перевод М. Л. Гаспарова) (*Idem. Epistula* 89. 5. 1–3). Замечу, что у Исидора наукой о божественном и земном выступает философия: «Philosophia est rerum humanarum divinarumque cognitio cum studio bene vivendi coniuncta» («Философия есть познание дел человеческих и божественных, соединенное с искусством жить праведно») (*Isidorus Hispalensis. Etymologiae* II. 24. 1); «Est enim Philosophus qui divinarum et humanarum [rerum] scientiam habet, et omnem bene vivendi tramitem tenet» («Философ — это тот, кто познает дела божественные и человеческие и идет по пути праведной жизни») (*Ibid.* VIII. 6. 1).

²⁰ «Disputantes autem de sapientia definierunt eam dicentes: Sapientia est rerum humanarum divinarumque scientia. Vnde ego quoque in libro superiore utrarumque rerum cognitionem, id est divinarum atque humanarum, et sapientiam et scientiam dici posse non tacui. Verum secundum hanc distinctionem qua dixit apostolus: Alii datur sermo sapientiae, alii sermo scientiae, ista definitio dividenda est ut rerum divinarum scientia sapientia proprie nuncupetur, humanarum autem proprie scientiae nomen obtineat, de qua volumine tertio decimo disputaui...» («Те, кто рассуждал о мудрости, определили ее так: мудрость есть знание о божественных и человеческих делах. И поэтому в предыдущей книге я не смолчал о том, что познание тех и других дел, то есть божественных и человеческих, можно называть и мудростью, и знанием. Однако согласно тому различию, о котором говорит апостол: “Одному дается слово мудрости, другому — слово знания”, это определение следует разделять так: знание о божественных делах называется мудростью, о человеческих же — знанием; и об этом я говорил в 13-м томе») (*Augustinus Hipponensis. De trinitate libri* 14. 3). Ср.: 1 Кор 12. 8.

помогающее распознать добро и зло и избежать дурного²¹, т. е. в целом придерживается линии Августина. В данном случае знание (*scientia*) оказывается синонимом разумности или разума (*prudencia*), объектом которой также является земная жизнь, а целью — различение злого и доброго и наилучшее устройство своей судьбы²². При этом знание всегда положительно и полезно (в отличие от опыта (*experientia*), который может быть негативным)²³. В энциклопедии «Этимологии» Исидор делает «*scientia*» составной частью философии, которая в данном случае определяется им как знание божественных и человеческих дел, т. е. выступает аналогом «*sapientia*» в античном смысле²⁴.

Интересно, что в «Сентенциях» в аналогичном контексте Исидор заменяет слово «*philosophia*» на «*sapientia*»²⁵. По всей видимости, такая замена продиктована жанром сочинения. «Сентенции» представляют собой богословское произведение, и употребление в нем слова «*philosophia*», тесно связанного с языческой мудростью, могло показаться Исидору стилистически неверным. Так, в послании к Колоссянам понятие «философия» употребляется в одном ряду с «пустым обольщением» (*inanem fallaciam*)²⁶. Напротив, слово «*sapientia*» было вполне «легализовано» авторитетом Библии. «*Scientia*» же в этом контексте подразумевает знание, постигнутое разумом, в отличие от мнения, разумом не подкрепленного и потому сомнительного²⁷. Таким образом, знание является ступенькой на пути

²¹ «Inter scientiam et sapientiam hoc interest: scientia ad agnitionem pertinet, sapientia ad contemplationem. Scientia temporalibus bene utitur, atque in vitandis malis, seu intelligendis vel appetendis bonis versatur: sapientia autem tantummodo aeterna contemplatur. Item nonnulli viri inter sapientiam et prudentiam intelligi voluerunt, ut sapientiam in divinis, prudentiam autem vel scientiam in hominis negotiis ponerent» («Между знанием и мудростью различие таково, что знание соотносено с познанием, мудрость же — с созерцанием. Знание легко пользуется временным и применяется во избежание зла либо для понимания и достижения блага; мудрость же размышляет только над вечным. Некоторые люди пожелали так понимать мудрость и разумение, что мудрость они относят к области дел божественных, разумение же или знание — к человеческим») (*Isidorus Hispalensis. Differentiae* II. 36).

²² Ibid. I. 19; I. 36; I. 40; *Idem. Etymologia* II. 24. 6; X. 201. Ср.: *Cicero. De Officiis* I. 153.

²³ «Inter Experientiam et scientiam. Experientiae in malo dici potest, ut poenas expertus, scientia autem in bono tantum» («Между опытом и знанием. Можно говорить и о горьком опыте, как например, испытанный страданиями, о знании же только о хорошем») (*Isidorus Hispalensis. Differentiae* I. 149).

²⁴ «Philosophia est rerum humanarum divinarumque cognitio cum studio bene vivendi coniuncta. Haec duabus ex rebus constare videtur, *scientia* et opinatione» («Философия есть знание дел человеческих и божественных, соединенное с искусством жить праведно») (*Idem. Etymologia* II. 24. 1).

²⁵ «Omnis sapientia scientia et opinatione consistit» («Всякая мудрость основана на знании и представлении») (*Idem. Sententiae* II. 1. 8).

²⁶ «Videte ne quis vos decipiat per philosophiam et inanem fallaciam secundum traditionem hominum secundum elementa mundi et non secundum Christum» («Смотрите, братья, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» — Синодальный перевод) (Кол 2. 8).

²⁷ «*Scientia est, cum res aliqua certa ratione percipitur; opinatio autem, cum adhuc incerta res latet et nulla ratione firma videtur...*» («Знание — это когда какая-либо вещь познается разумом в точности; предположение же — когда вещь остается неясной и разуму кажется недостоверной...») (*Idem. Etymologiae* II. 24. 2); «Omnis sapientia scientia et opinatione consistit. Melior est autem ex scientia ueniens quam ex opinatione sententia. Nam illa uera est, ista dubia» («Всякая мудрость осно-

к достижению мудрости. Во второй книге «Дифференций», посвященной разбору основных богословских категорий, в том же значении употреблено слово «*prudencia*», которое подразумевает под собой, в частности, знакомство со Священным Писанием²⁸. Следовательно, «*scientia*» или «*prudencia*» нужны для достижения мудрости и — через нее — к спасению души.

Впрочем, не всякая мудрость идет человеку на пользу. Так, в «Сентенциях» Исидор противопоставляет мудрость земную и божественную. По его мнению, тот, кто гонится за первой, глуп, т. к. его знание (*cognitio*) ни к чему не ведет; по-настоящему мудр лишь тот, чья мудрость направлена к Господу. Такой человек ведет благочестивую жизнь, за что в награду получает Царствие Небесное²⁹. В идеале человеку полагается много знать и правильно жить, однако, ввиду несовершенства человеческой природы, не каждый может осилить и то, и другое. При выборе между знанием и правильным образом жизни Исидор безоговорочно отдает предпочтение последнему. Он даже говорит о том, что мирское знание (в данном контексте употреблено слово «*prudencia*» и глагол «*scire*»), лишённое благочестия, ведет человека к гибели: куда предпочтительнее, по мнению севильского епископа, простая и необразованная добродетель³⁰. Таким образом, единственной неоспоримой ценностью для него является мудрость (*sapientia*), обращенная к Господу, т. к. только она способствует спасению души.

Итак, согласно мнению Исидора, «*sapientia*» является основной добродетелью, высшей мудростью, служащей для определения причин явлений. Она обращена к Богу и одновременно является одним из качеств Господа³¹. Кроме того, мудрость тесно связана с красноречием.

вана на знании и представлении. Лучше та, которая проистекает из знания, чем та, которая из представления, поскольку первая истинна, вторая сомнительна») (*Idem. Sententiae* II. 1. 8). Ср.: *Idem. Etymologia* I. 5. 1; II. 1. 1.

²⁸ «*Prudentia est agnitio verae fidei, et scientia Scripturarum, in qua intueri oportet illud trimodum intelligentiae genus*» («Разумность есть постижение истинной веры и знание Писания...») (*Idem. Differentiae* II. 40).

²⁹ «*Omnis qui secundum Deum sapiens est beatus est. Beata uita cognitio diuinitatis est. Cognitio diuinitatis uirtus boni operis est. Virtus boni operis fructus aeternitatis est. Qui secundum saeculum sapiens est, secundum Deum stultus est. Vnde et propheta: Stultus, inquit, factus est omnis homo ab scientia*» («Всякий, кто мудр по Богу, блажен. Блаженная жизнь есть познание божественного. Познание божественного есть добродетель благодеяния. Добродетель благодеяния есть плод вечности. Кто по-мирски мудр, по Богу глуп. Поэтому и говорит пророк: Глуп всякий человек в своем знании») (*Idem. Sententiae* II. 1. 1–2). Ср.: Иер 10. 14; Иер 51. 17.

³⁰ «*Vtile est multa scire et recte uiuere. Quod si utrumque non ualemus, melius est ut bene uiuendi studium quam multa sciendi sequamur. Non pertinere ad beatitudinem consequendam scientiam rerum, nec esse beatum multa scire, sed esse magnum beate uiuere. Nihil prodesse omnem scire prudentiam cum ignorantia Dei, et nihil obesse scientibus Deum ignorantiam mundi. Perfecte autem scit qui Deum prius et ista non pro se, sed pro Deo scit*» («Полезно много знать и жить праведно. Но если мы не можем того и другого, лучше нам следовать искусству праведной жизни, чем многознанию. Не приведет к блаженству погоня за знанием; блаженно не знать много, а жить весьма блаженно. Не идет на пользу всякая разумность вместе с незнанием Бога, но не мешает знающим Бога незнание мира. Прекрасно знает тот, кто знает прежде всего Бога и не для себя, а для Бога») (*Idem. Sententiae* II. 1. 11–13).

³¹ «*Inter Prudentiam et sapientiam. Prudentia in humanis rebus, sapientia in diuinis distribuitur*» («Между разумением и мудростью. Разумение обращено к человеческим делам, мудрость —

Понятие красноречия (eloquentia) в сочинениях Исидора Севильского

Представление о том, что мудрость и красноречие дополняют друг друга, появилось еще в эпоху Античности. В данном случае показательно мнение признанного мастера риторики — Марка Туллия Цицерона. Согласно его определению, красноречие есть не что иное, как выраженная словами мудрость³², а мудрость в свою очередь является основой красноречия³³.

Исидор Севильский, рассматривавший в девятой книге «Этимологий» вопросы семьи и брака, советовал девушкам при выборе супруга обращать внимание главным образом на его мудрость (*sapientia*)³⁴. Иллюстрируя свой тезис, епископ Севильи привел примеры из «Энеиды», отмечая те качества Энея, которыми пленилась Дидона. Место «*sapientia*» в данном перечислении занимает «*oratio*» — произнесенный им рассказ о своих приключениях³⁵. Однако гораздо чаще в произведениях севильского епископа в паре с «*sapientia*» идет не речь как таковая, а искусство правильно и красиво говорить — «*eloquentia*».

В определении слова «*eloquentia*» Исидор почти полностью следует античной традиции. Красноречивым, по его мнению, является тот, кому свойственна ясность речи (в отличие от болтуна, не следящего за своими словами)³⁶. В подтверждение своей точки зрения он ссылается на авторитет Цицерона и Саллюстия³⁷; впрочем, цитируемые произведения римских авторов до нас не дошли, так что определить контекст их высказываний невозможно³⁸. О значении иску-

к божественным») (*Idem. Differentiae I. 19*); «[Homo] Nam et esse potest, et sapiens non esse; Deus autem habet essentiam, habet et sapientiam...» («Ибо [человек] может быть мудрым, а может и не быть; Бог же существует и мудр...») (*Idem. Etymologiae VII. 1. 27*).

³² «Nihil enim est aliud eloquentia nisi copiose loquens sapientia» («Красноречие есть ни что иное, как многоречивая мудрость») (*Cicero. De partitione oratoria 79. 1*).

³³ «...sed est eloquentiae sicut reliquarum rerum fundamentum sapientia» («Но основанием красноречия, как и всего другого, является философия» — перевод М. Л. Гаспарова. В переводе «философией» переведено слово «*sapientia*» — *E. M.*) (*Idem. M. Tulli Ciceronis Ad. M. Brutum Orator 70. 5*).

³⁴ «In eligendo marito quattuor spectari solent: virtus, genus, pulchritudo, sapientia. Ex his sapientia potentior est ad amoris affectum» («При выборе мужа следует обращать внимание на четыре качества: доблесть, происхождение, красота и мудрость. Из них мудрость сильнее влечет к любовному чувству») (*Isidorus Hispalensis. Etymologiae IX. 7. 28*).

³⁵ «Pulchritudine: // Quam sese ore ferens! // Virtute: // Quam forti pectore et armis! // Oratione: // Heu quibus ille // iactatus fatis, quae bella exhausta canebat! // Genere: // Credo equidem, nec vana fides, genus esse deorum» («Красотой: “Как он прекрасен лицом!” Доблестью: “Как могуч и сердцем отважен!” Речью: “О, какой горькой судьбе он подвергся, как воспел он битвы, которые прошел!” Происхождением: “Верю, и верю не зря, что от крови рожден он бессмертной”» — использован перевод «Энеиды» С. Ошерова) (*Ibid. IX. 7. 28*).

³⁶ «Inter eloquentem et loquacem. Sinceritas facundiae eloquentum est, effusa et incondita temeritas, loquacium» («Между красноречивым и многословным. Красноречивым свойственна ясность речи, многословным — неумеренная и неискusstная беспорядочность [в речи]») (*Isidorus Hispalensis. Differentiae. I. 39*).

³⁷ «Unde est Sallustius: Loquax magis quam facundus. Et Cicero: Hunc loquacem esse habitum, nunquam disertum» («Поэтому и Саллюстий: “Скорее многословный, чем искусный в речах”, и Цицерон: “Его считают многословным, но не красноречивым”») (*Ibid*).

³⁸ *Caius Sallustius Crispus. Historiarum fragmenta 43. 26* (известно благодаря Квинтилиану (*Quintilianus. Institutiones Oratoriae Liber 4. 2. 43*)); фраза, приписываемая Цицерону, известна лишь благодаря Исидору.

ства красноречия для севильского епископа говорит тот факт, что вторая книга «Этимологий» посвящена риторике и диалектике. Исидор обращает внимание на качества идеального оратора — порядочность и умение говорить. Последнее основывается на пяти составляющих: нахождение материала, его расположение, подбор нужных слов, память и торжественное произнесение. В дополнение к этому Исидор привносит цель речи (например, убедить кого-то в чем-либо)³⁹. Очевидно, что в данном случае автор опирался на трактат Цицерона «О нахождении материала» (*De inventione*), где автор в том же порядке перечисляет пять законов, по которым выстраивается речь профессионального оратора⁴⁰ и раскрывает смысл каждого понятия (в отличие от Исидора, который по каким-то причинам ограничивается лишь их перечнем)⁴¹. Испанский эрудит подчеркивает, что умение красиво говорить возникает не только благодаря таланту (*ingenium*), но формируется в результате прилежания (*adsiduitas*) и знаний (*scientia*)⁴². В данном фрагменте Исидор подчеркивает тесную связь красноречия и знания. Во второй книге «Дифференций» сказано, что красноречие, подкрепленное мудростью (по всей видимости, оба эти качества обозначены как «*utraque scientia*»), отличает достойного мужа (*vir*) от простого человека (*homo*)⁴³. Итак, по мысли Исидора, красноречие обладает безусловной ценностью.

Несколько иначе взаимосвязь красноречия и мудрости рассматривалась им в «Сентенциях» и, отчасти, во второй книге «Дифференций». Здесь Исидор утверждает, что истинная мудрость избегает велеречивости и мирского красноречия⁴⁴. Он осуждает тех, кто слушает речи мудрецов лишь ради наслаждения их

³⁹ «Orator est igitur vir bonus, dicendi peritus. Vir bonus consistit natura, moribus, artibus. Dicendi peritus consistit artificiosa eloquentia, quae constat partibus quinque: inventione, dispositione, elocutione, memoria, pronuntiatione, et fine officii, quod est aliquid persuadere» («Оратор, следовательно, муж добрый, в говорении опытный. “Муж добрый” включает природу, привычки и умения. “В говорении опытный” включает умелое красноречие, которое состоит из пяти частей: нахождения [материала], расположения [материала], словесного выражения, запоминания [речи наизусть], произнесения и, наконец, включает обязанность, состоящие в том, чтобы убеждать всякого» — перевод Л. А. Харитоновой) (*Isidorus Hispalensis. Etymologiae* II. 3. 1).

⁴⁰ «Quare materia quidem nobis rhetoricae videtur artis ea, quam Aristoteli visam esse diximus; partes autem eae, quas plerique dixerunt, inventio, dispositio, elocutio, memoria, pronuntiatio» («Поэтому нам кажется, что предмет искусства риторики таков, каким его представлял себе Аристотель; части же ее, как считают многие, суть нахождение, расположение, выражение, запоминание и произнесение») (*Cicero. De inventione* 1. 9).

⁴¹ *Ibid.*

⁴² «Ipsa autem peritia dicendi in tribus rebus consistit: natura, doctrina, usu. Natura ingenio, doctrina scientia, usus adsiduitate» («Сама опытность в разговоре состоит из трех частей: природы, научения и практики. Природа — это врожденное, научение — это знание, практика — это постоянная деятельность») (*Isidorus Hispalensis. Etymologiae* II. 3. 2).

⁴³ «Inter virum et hominem quidam distinxerunt hoc interesse, quod vir utraque scientia praeditus eloquentiam cum sapientia retinet: Homo loquacitate tantum naturae bestiis praepollet» («Между мужем и человеком, как считают некоторые, существует такое различие, что муж, наделенный двумя знаниями, обладает красноречием вкупе с мудростью; человек же превосходит животных лишь природной способностью говорить») (*Idem. Differentiae* II. 17*).

⁴⁴ «Horret enim sapientia spumeum uerborum ambitum, ac fucum mundialis eloquentiae inflatis sermonibus perornatum» («Ведь мудрость страшится пены увертливых слов и пурпура мирского красноречия, украшенного высокопарными речами») (*Idem. Sententiae* II. 29. 12).

слогом: такие люди, по его мнению, в погоне за суетой упускают из виду смысл и истину⁴⁵. Иначе говоря, Исидор в «Сентенциях» ставит под сомнение полезность красноречия для мудрости. Во второй книге «Дифференций» он даже утверждает, что мудрость может принести пользу и без красноречия, поскольку подразумевает понимание причин явлений⁴⁶.

Что же касается языческой риторики, то в «Сентенциях» Исидор предает ее порицанию. Он обвиняет античных авторов в том, что они ценили форму гораздо больше, чем содержание, и потому их произведения лишены мудрости и истины⁴⁷. Сочинения древних он противопоставляет Священному Писанию, написанному простым и безыскусным слогом. Тексты Библии, по мнению Исидора, созданные по внушению Господа, убеждают читателя в истинности христианства не хитроумными аргументами, а своей одухотворенностью⁴⁸. Более того, в данном случае истина, явленная в священных текстах, не нуждается в аргументации. Она только мешает, ибо божественная истина стоит выше доводов всех философов и ораторов⁴⁹. Кроме того, добавляет Исидор, излишние словесные украшения часто служат только для того, чтобы обмануть и запутать читателя, скрыть от него истину⁵⁰. Иначе говоря, в «Сентенциях» Исидор проводит идею, что красноречие совсем не всегда является благом и уж точно не имеет большой ценности. Мудрость, ведущая к спасению души, может легко без нее обойтись.

⁴⁵ «Quidam curiosi delectantur audire quoslibet sapientes, non ut ueritatem ab eis quaerant, sed ut facundiam sermonis eorum agnoscant, more poetarum qui magis conpositionem uerborum quam sententiam ueritatis sequuntur» («Любопытные люди с удовольствием слушают некоторых мудрецов, не для того, чтобы узнать от них истину, но для того, чтобы услышать плавность их речи, как в обычае у поэтов, которые следуют более построению слов, а не изречению истины») (Ibid. II. 29. 13).

⁴⁶ «Sapientiam sine eloquentia prodesse non est dubium. <...> Eloquentia enim, ut diximus, scientia est uerborum; sapientia autem, cognitio rerum et intellectus causarum» («Мудрость и без красноречия, несомненно, приносит пользу. <...> Красноречие же, как мы сказали, есть знание слов; мудрость же есть познание вещей и понимание причин») (Idem. Differentiae II. 37).

⁴⁷ «Gentilium dicta exterius uerborum eloquentia nitent, interius uacua uirtutis sapientia manent» («Изречения язычников снаружи блистают красноречием слов, изнутри же пусты без мудрости добродетели...») (Idem. Sententiae II. 13. 3).

⁴⁸ «Ideo libri sancti simplici sermone conscripti sunt, ut non in sapientia uerbi, sed in ostensione spiritus, homines ad fidem perducerentur» («И поэтому священные книги написаны простым языком, чтобы привести людей к вере не словами мудрости, но явлением духа») (Ibid. II. 13. 5).

⁴⁹ «Namsi dialectici acuminis uersutia, aut rhetoricae artis eloquentia editi essent, nequaquam putaretur fides Christi in Dei uirtute, sed in eloquentiae humanae argumentis consistere; nec quemquam crederemus ad fidem diuino inspiramine prouocari, sed potius uerborum calliditate seduci» («Ведь если бы они были написаны с диалектической тонкостью или красноречием искусства риторики, никто бы никогда не считал, что вера Христова в силе Божьей, а не в аргументах человеческого красноречия, и мы бы не поверили, что приведены к вере божественным внушением, а не искусством слов») (Ibid.).

⁵⁰ «In lectione non uerba sed ueritas est amanda. Saepe autem repperitur simplicitas ueridica, et composita falsitas quae hominem suis erroribus incit et per linguae ornamenta laqueos dulces adpargit» («При чтении следует возлюбить не слова, а истину. Ведь часто открываются истинная простота и сочиненная фальшь, которая втягивает человека в свои ловушки и красивыми словами заманивает в сладкие сети») (Ibid. II. 13. 8).

* * *

В разных произведениях Исидор под разным углом зрения рассматривает понятия мудрости и красноречия. В «Этимологиях» и в первой книге «Дифференций» обозначает понимание высших материй, постижение устройства миропорядка. По сути, в этих произведениях «sapientia» оказывается аналогом античной «philosophia», понимаемой как наука о земных и о божественных вещах. Ступеньками к постижению мудрости являются разумность (prudentia) и знание (scientia), объектом которых является повседневная мирская жизнь. При этом «prudentia» для него — это разумность, практичность, умение устраивать свою жизнь. В других контекстах «prudentia» выступает синонимом к слову «scientia» и подразумевает под собой мирское знание. Впрочем, во второй книге «Дифференций» значение этих понятий сужается до знания Священного Писания, через которое постигает мудрость (sapientia).

Вообще, во второй книге «Дифференций», как и в «Сентенциях», Исидор Севильский гораздо большее внимание уделяет мудрости небесной, ведущей к спасению души, противопоставляя ее суетному мирскому знанию. Такая мудрость, хотя и может подкрепляться красноречием, все же в значительной степени ценна уже сама по себе, вот почему, по мнению епископа, она не требует словесного воплощения. Таким образом, Исидор говорил об одной и той же мудрости, но всякий раз по-иному расставлял акценты.

Различия в толковании слова «sapientia» продиктованы тем, что и «Этимологии», и особенно первая книга «Дифференций» написаны в традиции и во многом на основе античных грамматических трактатов⁵¹. И то, и другое произведение служат для того, чтобы определить значения основных понятий, описывающих окружающий мир. Напротив, «Сентенции» и вторая книга «Дифференций» в первую очередь адресованы клирику или монаху, основной целью которых является спасение собственной души и проповедь благочестивой жизни для окружающих.

Ключевые слова: Исидор Севильский, «Этимологии», «Дифференции», «Сентенции», мудрость, знание, красноречие, sapientia, prudentia, eloquentia.

⁵¹ Codoñer Merino C. Les plus anciennes compilations de «Differentiae»: formation et évolution d'un genre littéraire grammatical // Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes. 1985. Vol. 51 (2). P. 201–219; Magallón García. Op. cit.; Velázquez Soriano I. Latine dicitur, vulgo vocant. Aspectos de la lengua escrita y hablada en las obras gramaticales de Isidoro de Sevilla. Logroño, 2003.

SAPIENTIAM SINE ELOQUENTIA PRODESSE NON EST DUBIUM:
THE RAPPORT OF WISDOM AND ELOQUENCE IN THE WORK
OF ISIDORE OF SEVILLE

E. MAREY

(Higher School of Economics)

The works of Isidore of Seville reveal several levels of knowledge. The first and the highest is wisdom (*sapientia*), which according to Isidore, is knowledge of divine things. This wisdom will most definitely lead the initiate to salvation and the Kingdom of Heaven. But the specific quality of wisdom is interpreted by Isidore in different ways according to his various works. In those works which possess an encyclopedic character («*Etymologies*» and the first book of «*Differences*»), wisdom involves an understanding of how the world and the whole of the cosmos are organised. A wise man is able to comprehend the causes of both the visible and the heavenly world. On the contrary, a person's rationality (*prudentia*) is oriented towards worldly and secular things. It aims at distinguishing between good and evil and how best to arrange one's own life and final destiny. Rationality is connected with knowledge (*scientia*), which is bookish learning, and which Isidore treats as a part of philosophy. At the same time, rationality and knowledge act as instruments for the gaining of wisdom (*sapientia*). Thus wisdom is linked also with the art of speaking well (*eloquentia*).

In his works meant for a clerical readership, particularly the second book of the «*Differences*» and the «*Sentences*», wisdom is opposed to vain mundane knowledge. In these works Isidore affirms that mere eloquence is alien to wisdom and that true wisdom is to be cherished precisely because of its lack of pretention. In the context of these works, wisdom is geared only to the living of a devout life and towards the final aim of the salvation of one's soul. The differences in the interpretation of the word *sapientia* can be easily explained by the differences in literary genre among the various works as well as by the readers for whom the various works were intended by the author.

Keywords: Isidore of Seville, «*Etymologies*», «*Differences*», «*Sentences*», wisdom, knowledge, eloquence, *sapientia*, *prudentia*, *eloquentia*.

Использованная литература

1. Aldama J. A. de. 1936. *Miscellanea Isidoriana*, pp. 57-89;
2. Averincev S. S. 1976. *Iz istorii kul'tury Srednih vekov i Vozrozhdenija*, pp. 17-64.
3. Averincev S. S. 1996. *Ritorika i istoki evropejskoj literaturnoj tradicii*, pp. 115-145.
4. Cazier P. *Isidore de Séville et la naissance de l'Espagne catholique*. Paris, 1994.
5. Codoñer Merino C. 1985. *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes*, no. 51 (2), pp. 201-219.
6. Codoñer Merino C. 1986. *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes*, no. 60, pp. 187-196.
7. Díaz y Díaz M. C. *San Isidoro de Sevilla. Etimologías*. Madrid, 1993.

8. Fontaine J. *Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne Wisigothique*. Paris, 1959.
9. Fontaine J. 1986. *Settimane di Studio*, no. 19, pp. 145-202
10. Madoz J. *San Isidoro de Sevilla: semblanza de su personalidad literaria*. León, 1960.
11. Madoz J. *San Isidoro de Sevilla: semblanza de su personalidad literaria*. León, 1960.
12. Magallón García A.-I. *La tradición gramatical de differentia y etymologia hasta Isidoro de Sevilla*. Zaragoza, 1996.
13. Riché P. *Education et culture dans l'Occident barbare (VI–VIII ss.)*. Paris, 1962.
14. Ukolova V. I. 1984. *Problemy ispanskoj istorii*, pp. 176-190.
15. Ukolova V. I. *Antichnoe nasledie i kul'tura rannego Srednevekov'ja (konec V — seredina VII v.)* (Ancient Heritage and Culture of the Early Middle Ages). Moscow, 1989.
16. Velázquez Soriano I. *Latine dicitur, vulgo vocant. Aspectos de la lengua escrita y hablada en las obras gramaticales de Isidoro de Sevilla*. Logroño, 2003.